
ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НА ГРАНИ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО*

Мамедова Н. М.**

Позиция человека в цифровом обществе отражает парадоксальность его существования на грани реального и виртуального. В статье предпринята попытка концептуализации проблемы человека в условиях глобальной цифровизации и кризиса антропоцентризма. Осмыслены перспективы конституирования субъектности агентов социального действия и коммуникации. Неоднозначный характер воздействия цифровых технологий на человека представлен многоуровневой моделью, в которой отражены основные направления модификации человека, его статуса, деятельности, когнитивных и идентификационных процессов. Такой ракурс рассмотрения позволяет прогнозировать также и магистральные тенденции развития социальности, которая создается измененным субъектом в виртуально-дигитальных интеракциях. Сдвиги в когнитивных и дискурсивных практиках и процессах идентификации обуславливают возрастание значимости нарративных компонентов в преобразованной концепции идентичности. Показано, что характеристики сетевой идентичности позволяют прогнозировать перспективы и проблемные зоны модификации личности цифровой эпохи, что является необходимым условием обеспечения устойчивого развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: цифровизация, деятельность, коммуникация, когнитивные процессы, идентичность, нарративность, дискурсивные процессы.

The position of a human in a digital society reflects the paradoxical feature of his existence on the verge of real and virtual. The article attempts to conceptualize the problem of human in the context of global digitalization and the crisis of anthropocentrism. The perspectives of constituting the subjectivity of agents of social action and communication are considered. The ambiguous nature of the impact of digital technologies on a human is represented by a multilevel model, which reflects the main directions of human modification, his status, activity, cognitive and identification processes. Such a perspective of consideration also makes it possible to predict the main trends in the development of sociality, which is created by a changed subject in virtual-digital interactions. The shifts in cognitive and discursive practices and identification processes lead to an increase in the importance of narrative components in the transformed concept of identity. It is shown that the characteristics of network identity make it possible to predict the prospects and

* Исследование является продолжением проекта № 17-01-2039, выполненного при финансовой поддержке РФФИ («Социальная антропология: интеграция наук»). Руководитель – Н. М. Мамедова.

** Мамедова Наталья Михайловна – д. ф. н., профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: natmam_5@mail.ru.

problem areas of personality modification in the digital era, which is a necessary condition for ensuring the sustainable development of human civilization.

Keywords: *digitalization, activity, communication, cognitive processes, identity, narrativeness, discursive processes.*

Цифровизация как глобальный процесс затрагивает все сферы существования общества. Это означает, что цифровые технологии приобретают онтологический статус, вытесняют традиционные коммуникативные практики и отношения, преобразуют социальное бытие и его атрибуты. Происходит разрыв пространства и времени, связь между которыми больше не опосредуется конкретным местом осуществления социального действия и коммуникации. Экспансия искусственного интеллекта угрожает самой основе человеческой цивилизации, вытесняя человека из созданного им самим мира. Гуманистическая ориентация культуры, основанная на идее антропоцентризма, меняется на IT-центристскую ориентацию. Проблематизируется реальность существования «Я» как самостоятельного феномена. Поэтому осмысление культурных и гуманитарных аспектов глобализации приобретает особую значимость [Чумаков 2011]. Стремительный рост цифровых технологий преобразует как социум, так и человека, что порождает потребность прогнозирования перспектив человека и их концептуального осмысления. Концептуализация проблемы человека цифрового информационного общества предполагает некоторые априорные допущения, так как само общество находится в стадии формирования. Априорный образ человека информационного – это идеальный конструкт, который отражает его изменяющееся положение в цифровом обществе и возможные трансформации его природы и соответственно природы общества. Идеальный априорный образ информационного человека, подобно идеальным типам М. Вебера, является средством познания как феномена человека, так и сущности изменяющегося общества. Образ – это выражение в субъективной форме объективного содержания. Он отражает как особенности самого субъекта, так и реалии социума, его пространства, времени, динамики. Как справедливо полагает Е. Масуда, информатизация изменяет природу человека, превращая его из *Homo sapiens* в *Homo intelligens*, который вызовет к жизни и новую цивилизацию. Этот переход свершится посредством горизонтальной социальной трансформации человеческого материала и общества, а не путем социальной революции [см.: Масуда 1981; Масуда 1998].

Позиция человека в цифровом обществе отражает парадоксы его существования на грани реального и виртуального. Экспоненциальный рост информации вследствие развития информационных цифровых технологий радикально меняет социальный и экзистенциальный статус человека, идентификационные процессы, которые определяются конвергенцией реальных и виртуальных коммуникативных практик. Реальные отношения вытесняются отношениями, опосредуемыми сложными технологическими системами. Сама коммуникация изменяется, она определяется технологическим объектом, который превращается в онтологический объект с особыми пространственно-временными свойствами. Воздействие информационно-коммуникативных технологий порождает **новые противоречия** и ограничения.

Во-первых, специфика информационного человека состоит в том, что он является не только субъектом виртуальной реальности, но и ее оцифрованным элементом. В результате он попадает в зависимость от сети, диктующей свои правила и нормы, происходит замещение реальных социальных отношений симулятивными практиками [Mamedova *et al.* 2018]. Человек включается информационной системой в ее пространство взаимодействий, которые преобразуют его способ жизнедеятельности также и в реальных формах социальности. С одной стороны, у него появляется практически неограниченный спектр возможностей самовыражения, самоопределения. С другой, – возникают риски утраты индивидуальности, связей с реальной социокультурной средой. Социальная сеть, предоставляя пользователю площадку для конструирования идентичности, не дает ему полной свободы в этом процессе, задает набор шаблонов. «Так, к примеру, указывая свои интересы, вы можете выбрать их из списка уже существующих, равно как и свое место учебы и работы» [Ефимов 2014: 73]. Свобода оказывается иллюзорной, проявлением несвободы и новых видов зависимости и подчинения.

Во-вторых, редукция личности человека к оцифрованной единице ограничена социокультурным наследием, воплощенном в артефактах реального социального пространства и реальных социальных практиках.

В-третьих, человек погружен в природу вследствие своей биологической сущности. Поэтому возникает противоречие между его физическим и виртуальным измерениями в процессе цифровой самопрезентации.

В-четвертых, стирается грань между публичным и приватным вектором существования личности, что порождает экзистенциальную неустойчивость, неопределенность.

Способ жизнедеятельности человека радикально изменяется под влиянием киберсреды. «Человек общественный» превращается в «человека информационного». Информационный способ существования модифицирует его бытие и в реальном социальном пространстве. Осмысление перспектив конституирования субъектности агентов социального действия и коммуникации позволяет как обозначить направления трансформации человека, так и выявить тенденции развития общества. В таком ракурсе рассмотрения проявляется общая траектория развития социальности, которая создается в процессе новых коммуникативных практик измененного субъекта.

Проблема трансформации способов конституирования субъектности в пространстве социально-сетевых коммуникаций, интегрируемых в структуру информационного общества, рассматривается в литературе в рамках междисциплинарных программ (философско-культурологических, социологических, психологических [Гофман 2000; Giddens 1991; Хабермас 1992; Бурдье 1998]. Большая часть работ, которые прогнозируют будущее, остро проблематизирует в контексте технологических инноваций место, роль, идентичность и способы выживания человека в новой реальности. Эти темы в связи с развитием современных технологий обсуждались в материалах ряда круглых столов, опубликованных в журналах «Вопросы философии» и «Философские науки». Одной из самых дискуссионных оказалась проблема продолжения эволюции человека и ее сценариев в ракурсе инфо- и технологических инноваций цивилизации, особенно в связи с идеями формирования постчеловека [Лекторский и др. 2015; Petrunin 2018; Krizan 2019].

Другой аспект проблемы статуса человека в цифровом обществе, который активно обсуждается в литературе – это вызовы и угрозы, порождаемые современными технологиями [Ефимов 2013; Конева 2018]. Ю. Хабермас, описывая метаморфозы индивидуальной идентичности, пишет о «децентрализованной субъективности, освобожденной от всех ограничений когнитивного процесса и утилитарной деятельности, от всяческих императивов труда и полезности...» [Хабермас 1992: 43]. Д. И. Дубровский считает, что «конвергентное развитие НБИК (нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий) создает чрезвычайно мощные, небывалые средства для преобразования человека и социума, но вместе с тем и столь же масштабные риски, и угрозы будущему человечества» [Лекторский и др. 2012]. В антропологическом измерении в условиях возрастающей неопределенности, как полагает В. В. Чеклецов, перед человеком стоит проблема сохранения идентичности [Аршинов и др. 2017].

Отправной точкой в исследовании идентификационных процессов в значительной степени служат теории И. Гофмана о «самовыражении», «управлении впечатлениями», Ф. Джеймсона – о «дрейфующих» идентичностях и «расплюсненном субъекте», по которому «дрейфуют» идентичности, Э. Гидденса – о конструировании идентичности [Гофман 2000; Джеймсон 2019; Giddens 1991]. Для прояснения направлений трансформации идентификационных процессов эвристическим потенциалом обладает нарративный подход к идентичности [Dennett 1992; Schechtman 2005; Atkins 2010; Волков 2016; Dennett 2017; Брокмейер, Харре 2000]. Ученые-психологи из Университета Неймегена (Нидерланды) исследовали проблему нарративной идентичности как своеобразной линзы для оценки влияния цифровых медиа на подростков. Они рассматривают проблему в контексте взаимодействия между цифровым и офлайн-опытом [см.: Granic *et al.* 2020: 195–223]. Российские исследователи провели сравнительный анализ сетевой и реальной идентичности на материале шкалы «Аспекты идентичности» (Дж. Чик и др.) и глубинного интервью у активных пользователей социальных сетей [Войскунский и др. 2013].

Представляется, что релевантное понимание статуса и перспектив развития человека возможно на основе транспарадигмального синтеза подходов. Ядро «такого синтеза может составить социальная антропология, которая рассматривает человека как системный феномен, проявляющий себя в структуре разнообразных социальных практик, социальных коммуникаций, социальных групп, социальных процессов, социализации личности в контексте ценностных универсалий» [см.: Социальная... 2017: 9]. Синергетический метод позволяет рассматривать современное общество как сложную саморазвивающуюся систему, отличающуюся нелинейностью, вариативностью, бифуркационными процессами, осмыслить роль спонтанности в социокультурной динамике. На основании принципа автопойезиса субъективная идентичность предстает как самопорождаемая и самонаблюдаемая сущность в пространстве интерактивно-коммуникативного континуума. Герменевтика и феноменология предоставляют методологию выявления смысловых оснований социального поведения субъекта, механизмов конструирования собственного «Я», интересубъективности.

Эвристически перспективным представляется исследование того, как многообразные формы реальной и виртуальной саморепрезентации, коммуникации и

ассоциации, актуализируемые в рамках интерактивной социально-сетевой среды, трансформируют деятельность, когнитивные и идентификационные процессы, культурно-символические коды, отражающие культурные инварианты. В конечном счете проблема состоит в определении направлений модификации природы человека, центром которых оказывается вопрос сохранения самотождественности личности. Нелинейный характер воздействия информационно-коммуникативных систем на человека может быть представлен многоуровневой моделью, включающей социокультурные и биопсихологические измерения. Прежде всего, под влиянием новых технологий **видоизменяется характер деятельности**. Объектом деятельности становится информация. Диалоговая природа виртуальных практик, опосредуемая символическими образами, обостряет проблему интерпретации, понимания. Информационные потоки, наполняющие социальную реальность, превращают интерпретацию и трансляцию смыслов в главную форму социальной деятельности. Информационные коммуникации порождают специфические герменевтические практики, а также создают новую семиосферу. Поиск и обработка информации становятся основой новых видов деятельности. Социальная успешность определяется способностью к инновациям, переобучению, овладению новыми технологиями и соответствующими профессиями. Изменяется структура производственной деятельности, возникают новые конфигурации производственных отношений, отражающие невиданные прежде способы производства товаров и услуг, связанные с цифровыми технологиями. Коммуникации превращаются в основное средство производства. Эти изменения стремительно интегрируются в ткань общества, преобразуя саму природу как социальности, так и субъективности. Сам процесс организации сетевых сообществ превращается в разновидность социальной практики. Она задает как тезаурус (определенный код, язык общения), так и габитус (повторяющиеся модели взаимодействий в повторяющихся условиях), «систему прочных приобретенных предрасположенностей», принцип порождения и организации практики [Бурдье 2007].

Метаморфозы происходят также в когнитивной сфере. **Изменения ментальных процессов** могут быть осмыслены с точки зрения различных видов рациональности. Особенности современной коммуникативной модели, релевантной цифровому обществу, связаны с инверсией когнитивной деятельности, которая привела к расширению смыслового пространства понятия «рациональность». Рациональность предполагает два обязательных условия: рефлексивный самоконтроль и учет требований реальности. Классическая рациональность ориентирована на наличное бытие, она отражает практический разум, констатацию ситуации автономным субъектом. Специфика современной рациональности состоит в том, что рациональное мышление характеризуется как проективно-конструктивное ментальное действие, отражающее интерактивные процессы, которые опосредуются знаково-символическими системами. Реальностью с этой точки зрения является не статичное бытие, а становление, изменение, зависимое от символических интеракций. Впервые приобрела актуальность проблема выбора, различения мотивов и цели. «Тем самым, – как пишет Н. Луман, – благодаря различению раскололась не только непрерывность рациональности природы, но и непрерывность рациональности субъекта, а именно, в силу различения мотива и цели...» [Луман 2004: 190]. Мотив, по мнению Лумана, в отличие от целей характеризуется не-

прозрачностью. Это приводит к разложению рациональности на подвиды: ценностную рациональность и рациональность взаимопонимания, коммуникативную (упорядочиваемую благодаря дискурсу).

В настоящее время во многом под влиянием теории коммуникации формируется ослабленный вариант рациональности или «открытая» рациональность в отличие от «закрытой» классической рациональности [Швырев 2003; Лекторский 2012]. Немецкий философ Г. Абель ставит вопрос о приписывающем подходе к рациональности. Во-первых, приписывающий подход допускает «предположение о некотором виде неопределенности рациональности», а во-вторых, «недоопределенность рациональности». Такой подход делает возможным распознать оба эти ограничения (неопределенность, недоопределенность) как неустранимые. Приписывающий подход позволяет включить в область рациональности «всю систему коммуникации, в которой должны интерпретироваться знаки, например, высказывания, тексты и действия других людей». Принципы интерпретации «могут рассматриваться как принципы рациональности» [см.: Абель 2012: 66–70].

Диалогическая деятельность, направленная на достижение согласия, становится основой коммуникативной рациональности, которая формирует и специфический дискурс [Хабермас 2001]. Классическая коммуникация основана на прагматизированном рациональном дискурсе. Он отражает коммуникационные схемы: (Я – объект), (Я – Другой). Депрагматизация дискурса связана с ориентацией коммуникации с внешних объектов на внутреннее «Я». Новая коммуникационная схема возникает вследствие переживания, а не осмысления своего «Я», она экстерioriзирует внутреннюю речь. Главной чертой символического дискурса современной культуры становится отказ от логоцентрического рационализма, от всякой нормативности. В коммуникационной схеме цифровой культуры проблема понимания и социальной перцепции выдвигается на первый план. Интеракция также опосредуется символическими образами. Межгрупповое и межличностное восприятие происходит без непосредственного взаимодействия субъектов коммуникации, которое заменяется симулятивными знаково-символическими интеракциями. В фокусе этих преобразований находится **персональная идентичность**, которая является средством адаптации к новой социальной реальности, сохранения целостности и уникальности личности. Она отражает перемены социально-психологического, экзистенциального статуса человека в цифровом обществе. Радикальные изменения в деятельности, способах обработки информации неизбежно формируют новую систему ценностей, новое мироощущение, новое самоопределение человека эпохи тотальной цифровизации. Перенос социальных практик в виртуальную реальность приучает человека решать нестандартные задачи в необычных условиях, он овладевает в процессе их решения и общения в новой коммуникативной среде множеством новых функций и социальных ролей. Поэтому проблема личной и социальной идентификации приобретает особую актуальность. Как в профессиональной публичной деятельности, так и в приватной сфере современный человек все более зависим от цифровых технологий, которые образуют параллельную реальность. Традиционные идентификационные механизмы утрачивают свою значимость. Идентичность в значительной степени определяется различными символическими системами, которые заменяют однозначную определенность традиции. «Современный человек лишен вертикальных кор-

ней, уходящих в родную почву; у нас нет привязки к какой-либо территории, наши корни расходятся в горизонтальном направлении, они повторяют маршруты распространения символов и знаний, которые мы способны воспринять. Производство символов повсюду опережает производство товаров и услуг, и из этой пестрой мозаики создается прообраз новых культурных горизонтов и общностей» [Мамедова 2012: 22]. Идентичность определяется количеством информации, которую человек способен воспринять, и принадлежностью к виртуальным сообществам в большей степени, чем к реальным, поскольку информационно-коммуникативное пространство превращается в значимую среду существования.

Происходит сдвиг в источниках влияния от институтов к сетям, от вертикальных структур к горизонтальным системам, от локального пространства к бесконечному виртуальному киберпространству. В реальном мире персональные и групповые идентичности являются продуктом социального конструирования, определяются разнообразными институциями. Виртуальное пространство образует широкую горизонтальную перспективу, которая обеспечивает возможности персонального формирования идентичностей и позиционирования себя в качестве субъекта. С. А. Кравченко отметил, что эти изменения порождают «центробежные тенденции», которые «травмируют» сознание и поведение молодых людей [Kravchenko 2019]. Создаются предпосылки для мультипликации, пролиферации как идентификационных процессов, так и форм субъектности. Возникают условия для множественной фрагментарной идентичности, которая ведет к дезинтеграции личности. Совершенно очевидно, что нынешнее поколение молодых людей растет в цифровой экосистеме, беспрецедентной по своей сложности и глобальности. Гораздо менее очевидны последствия для психического здоровья, риски и преимущества этого нового цифрового мира.

Изменения в дискурсивных практиках одновременно отражают и продуцируют трансформации социокультурной идентичности. Депрагматизированный дискурс коммуникативной рациональности соответствует символическим механизмам идентификации, релевантным современным трансформациям идентичности. Эти сдвиги в процессах идентификации, когнитивных и дискурсивных практиках приводят к возрастанию значимости нарративных компонентов в преобразованной концепции идентичности. Как отмечает исследователь аналитической философии Д. Б. Волков, в концепции личности как центра нарративной гравитации Д. Деннета [Dennett 1992] главной способностью личности являются рассказы о себе – нарративы. Он видит достоинство нарративного подхода в возможности представить личность с точки зрения характеристики, а не реидентификации, то есть ей приписываются какие-то свойства. Это позволяет заменить проблему тождества личности во времени проблемой связности прошлого и настоящего опыта личности [Волков 2016].

Коммуникативные практики сетевой реальности демонстрируют амбивалентность идентичности, конвергенцию реальной и виртуальной идентичности. Нарративный подход, в частности, проясняет, каким образом конструируется сетевая идентичность. Генезис сетевой идентичности – искусственный процесс без корней и биографии. Нарратив (приписывание себе определенных черт) вместе с медийной саморепрезентацией создает возможность управлять впечатлениями о самом себе. Свойства феномена сетевой идентичности с определенной долей веро-

ятности позволяют проследить основные векторы изменения идентификационных процессов в условиях цифровизации в целом. Это такие свойства, как нарративность, неустойчивость, возможность альтернативных идентичностей, изменчивость, множественность идентичностей, непредсказуемость их последующих трансформаций, разрыв с реальным социальным пространством.

Итак, различные формы реальной и виртуальной саморепрезентации, коммуникации и ассоциаций, которые происходят в условиях транзитивного цифрового общества, трансформируют деятельность, когнитивные и идентификационные процессы, культурно-символические коды, определяющие сущность человека как субъекта общения и деятельности. Социальные сети, интегрированные в киберпространство, обладают потенциалом автономного развития и служат формой воплощения альтернативных типов социальности и субъектности. Традиционные формы социальных связей и институционализированных практик вытесняются и замещаются экспериментальными формами идентификации и консолидации индивидов, формирующих собственную идентичность на границе реального и виртуального существования. Свойства сетевой идентичности высвечивают проблемные зоны и риски идентификационных процессов эпохи цифровизации. Прогнозирование этих рисков имеет прагматическую ценность. Эти прогнозы могут стать основой создания коррекционных гуманитарных программ, минимизирующих экзистенциальные и социальные риски радикальных социокультурных трансформаций. Выявление направлений модификации природы человека, изменения его социального и экзистенциального статуса – необходимое условие разработки проектов устойчивого развития общества.

Литература

Абель Г. Переосмысление рациональности: использование знаков и рациональность интерпретаций // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.). М. : ИФРАН, 2012. С. 66–70.

Аршинов В. И., Асеева И. А., Буданов В. Г. и др. Круглый стол «Социально-гуманитарные аспекты прогнозирования и управления развитием конвергентных технологий». Институт философии РАН, май 2017 г. Конвергентные технологии и антропосфера: pro et contra // Философские науки. 2017. № 12. С. 134–141.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Бурдье П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. 1998. № 2. URL: <http://old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной психологии; СПб. : Алетейя, 2007.

Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.

Волков Д. Б. Нарративный подход как решение проблемы тождества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 4. С. 21–32.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс-Ц, 2000.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.

Ефимов Е. Г. Идентичность в социальных Интернет-сетях (теоретические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12. Ч. 2. С. 72–75.

Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–61.

Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 26–34.

Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Алексеева И. Ю. и др. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.

Луман Н. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004.

Мамедова Н. М. Пространство как контекст идентификации // Вестник МГСУ. 2012. № 5. С. 17–22.

Масуда Е. Компьютопия. М. : Идея-Пресс, 1998.

Наука. Технологии. Человек (материалы «круглого стола»). Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Автономова Н. С., Дубровский Д. И., Катунин А. В., Пирожкова С. В., Труфанова Е. О., Черткова Е. Л., Яковлева А. Ф. // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 5–39.

Социальная антропология: интеграция наук. Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции. М. : Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017.

Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–51.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.

Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиции и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Atkins K. Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective. Oxford : Routledge, 2010.

Dennett D. The Self as a Center of Narrative Gravity. Self and Consciousness: Multiple Perspectives / ed. by F. Kessel, P. Cole, D. Johnson. Hillsdale, NJ : Erlbaum Associates, 1992.

Dennett D. From Bacteria to Bach and Back. The Evolution of Minds. New York : Norton and Company, 2017.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991.

Granic I., Morita H., Scholten H. Beyond Screen Time: Identity Development in the Digital Age // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31. No. 3. Pp. 195–223 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214> eist05.2020.

Kravchenko S. A. Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Tendencies in the Youth Environment // *Sociological Research*. 2019. No. 10. Pp. 48–57.

Kriman A. I. The Idea of the Posthuman: A Comparative Analysis of Transhumanism and Posthumanism // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2019. No. 62(4). Pp. 132–147.

Mamedova N. M., Gavrish V. D., Skatershchikova A. V., Fomina A. S. Sport in Social Practice Universe of Modern Civilization // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2018. No. 1. Pp. 16–18.

Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. 1981 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.ru/books?id=ynkmlxF1G3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yoneji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society>.

Petrinin Yu. Artificial Intelligence: Is It the Clue to the Future? [Электронный ресурс] : *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2018. No. 4. Pp. 96–113. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-96-113>.

Schechtman M. Experience, Agency, and Personal Identity // *Social Philosophy and Policy*. 2005. Vol. 22(2). Pp. 1–24.

References

Abel G. Pereosmysleniye ratsional'nosti: ispol'zovaniye znakov i ratsional'nost' interpretatsiy [Rethinking Rationality: The Using of Signs and the Rationality of Interpretations] // *Ratsional'nost' i yeye granitsy: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v ramkakh zasedaniya Mezhdunarodnogo instituta filosofii v Moskve (15–18 sentyabrya 2011 g.)* [Rationality and its Boundaries: Proceedings of the International Scientific Conference at the International Institute of Philosophy in Moscow (September 15–18, 2011)]. Moscow : IFRANS, 2012. Pp. 66–70.

Arshinov V. I., Aseyeva I. A., Budanov V. G. et al. Kruglyy stol “Sotsial'nogumanitarnyye aspekty prognozirovaniya i upravleniya razvitiyem konvergentnykh tekhnologiy”. Institut filosofii RAN, may 2017 g. Konvergentnyye tekhnologii i antroposfera: pro et contra [Roundtable “Social and Humanitarian Aspects of Forecasting and Managing the Development of Convergent Technologies”. Institute of Philosophy RAS, May 2017. Convergent Technologies and the Anthroposphere: pro et contra] // *Filosofskiye nauki*. 2017. No. 12. Pp. 134–141.

Brockmeyer J., Harré R. Povestvovaniye: problemy i perspektivy odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: the Problems and Promises of One Alternative Paradigm] // *Voprosy filosofii*. 2000. No. 3. Pp. 29–42.

Bourdieu P. Struktura, privychka, praktika [Structure, Habitus, Practice] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1998. Vol. I. No. 2. URL: <http://old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

Bourdieu P. Sotsial'noye prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power] // *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Moscow : Institute of Experimental Psychology; St. Petersburg : Aletya, 2007.

Voyskunskiy A. Ye., Yevdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Set' i nastoyashchaya identichnost': sravnitel'noye issledovaniye [Network and Real Identity: Comparative Research] // Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2013. Vol. 10. No. 2. Pp. 98–121.

Volkov D. B. Narrativnyy podkhod kak resheniye problemy identichnosti [The Narrative Approach as a Solution to the Problem of Sameness] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye. 2016. No. 4. Pp. 21–32.

Gofman I. Znakomstvo s drugimi v povsednevnoy zhizni [Introducing Oneself to Others in Everyday Life]. Moscow : Kanon-press-TS, 2000.

Jameson F. Postmodernizm, ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow : ID Gaydara, 2019.

Yefimov E. Identichnost' v sotsial'nykh setyakh Internet (teoreticheskiye aspekty) [Identity in Social Internet Networks (Theoretical Aspects)] // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i istoriya iskusstva. Voprosy teorii i praktiki. 2013. No. 12. Part 2. Pp. 72–75.

Koneva A. V. “Tsifrovaya identichnost’”: protsessy identifikatsii i predstavleniya v setevoy kommunikatsii [“Digital Identity”: Identity and Representation Processes in Online Communication] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No. 1. Pp. 50–61.

Lektorskiy V. A. Ratsional'nost' kak kul'turnaya tsennost' [Rationality as a Cultural Value] // Voprosy filosofii. 2012. No. 5. Pp. 26–34.

Lektorskiy V. A., Pruzhinin B. I., Alekseyeva I. Yu. et al. Konvergentsiya biologicheskikh, informatsionnykh, nano- i kognitivnykh tekhnologiy: vyzov filosofii (materialy “kruglogo stola”) [The Convergence of Biological, Informational, Nano- and Cognitive Technologies: A Philosophical Challenge (Roundtable Proceedings)] // Voprosy filosofii. 2012. No. 12. Pp. 3–23.

Lumann N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a Social System]. Moscow : Logos, 2004.

Mamedova N. M. Prostranstvo kak kontekst identifikatsii [Space as a Context of Identity] // Vestnik MGSU. 2012. No. 5. Pp. 17–22.

Masuda E. Komp'yutopiya [Computopia]. Moscow : Ideya-Press, 1998.

Nauka. Tehnologii. Chelovek. (materialy “kruglogo stola”) [Science. Technology. Human. (Materials of the Roundtable)]. Lektorskiy V. A., Pruzhinin B. I., Avtonomova N. S., Dubrovskiy D. I., Katunin A. V., Pirozhkova S. V., Trufanova Ye. O., Chertkova Ye. L., Yakovleva A. F. // Voprosy filosofii. 2015. No. 9. Pp. 5–39.

Sotsial'naya antropologiya: integratsiya nauk. Sbornik nauchnykh statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Social Anthropology: Integration of Sciences. Selected Scientific Works from the International Scientific Conference]. Moscow : Plekhanov Russian University of Economy, 2017.

Habermas J. Modern – nezavershennyy proyekt [Modern as an Unfinished Project] // Voprosy filosofii. 1992. No. 4. Pp. 40–51.

Habermas J. Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg : Nauka, 2001.

Chumakov A. N. Kul'tura i vyzovy globalizatsii: novyye podkhody [Culture and the Challenges of Globalisation: New Approaches] // Vek globalizatsii. 2011. No. 2(8). Pp. 174–180.

Shvyrev V. S. Ratsional'nost' kak kul'turnaya tsennost'. Traditsii i sovremennost' [Rationality as a Cultural Value. Tradition and Modernity]. Moscow : Progress-Traditsiya, 2003.

Atkins K. Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective. Oxford : Routledge, 2010.

Dennett D. The Self as a Center of Narrative Gravity. Self and Consciousness: Multiple Perspectives / ed. by F. Kessel, P. Cole, D. Johnson. Hillsdale, NJ : Erlbaum Associates, 1992.

Dennett D. From Bacteria to Bach and Back. The Evolution of Minds. New York : Norton and Company, 2017.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991.

Granic I, Morita H., Scholten H. Beyond Screen Time: Identity Development in the Digital Age // Psychological Inquiry. 2020. Vol. 31. Issue 3. Pp. 195–223. URL: <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214> eist05.2020.

Kravchenko S. A. Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Tendencies in the Youth Environment // Sociological Research. 2019. No. 10. Pp. 48–57.

Kriman A. I. The Idea of the Posthuman: A Comparative Analysis of Transhumanism and Posthumanism // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2019. No. 62(4). Pp. 132–147.

Mamedova N. M., Gavrish V. D., Skatershchikova, A. V., Fomina, A. S. Sport in Social Practice Universe of Modern Civilization // Theory and Practice of Physical Culture. 2018. No. 1. Pp. 16–18.

Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. 1981. URL: [http://books.google.ru/books?id=ynkmIxF1G3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yon eji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society](http://books.google.ru/books?id=ynkmIxF1G3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yon+eji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society).

Petrinin Yu. Artificial Intelligence: Is It the Clue to the Future? // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2018. No. 4. Pp. 96–113. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-96-113>.

Schechtman M. Experience, Agency, and Personal Identity // Social Philosophy and Policy. 2005. Vol. 22(2). Pp. 1–24.